НАТАЛИЯ БАСОВСКАЯ

ЭХО ИСТОРИИ НА «ЭХО МОСКВЫ»

Почему Чезаре Борджиа называли «отравленный отравитель»?

Какой хулиганский поступок совершил Мартин Лютер?

Насколько правдив фильм «Король говорит» о Георге VI?

Как умер Монтесума, последний правитель ацтеков?

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ
ОТРАВИТЕЛИ. БЕЗУМЦЫ. КОРОЛИ

Наталия Ивановна Басовская

Человек в зеркале истории. Отравители. Безумцы. Короли

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024154
Человек в зеркале истории. Отравители. Безумцы. Короли: Астрель; М.; 2012
ISBN 978-5-271-44021-2

Аннотация

Новая книга Наталии Ивановны Басовской продолжает серию «Эхо на “Эхо Москвы”». В книге вы встретитесь с великими историческими личностями: Аттила, Мартин Лютер, Монтесума, Васко да Гама… Почему Чезаре Борджиа называли «отравленный отравитель»? Какой хулиганский поступок соевершил Мартин Лютер? Насколько правдив фильм «Король говорит» о Георге VI?

Содержание

Древний мир 4
Цинь Шихуанди: первый император Китая 4
Луций Корнелий Сулла – счастливчик-злодей 10
Аттила – бич Божий 15
Рамзес II: один против тысячи колесниц 24
Средние века 30
Иннокентий III: между Богом и государями 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Наталия Ивановна Басовская Человек в зеркале истории. Отравители. Безумцы. Короли

Древний мир

Цинь Шихуанди: первый император Китая

В российских школьных учебниках истории о Древнем Китае рассказано не очень подробно. Вряд ли каждому понятно, что III век до нашей эры, когда первый император Китая объединил враждующие разобщенные царства, – это и время Пунических войн между Римом и Карфагеном. И события, происходившие на Востоке, ничуть не менее значимы, чем те, которые сотрясали Европу и ее ближайших соседей.

Цинь Шихуанди насаждал идеологию порядка и сильной центральной власти, что весьма актуально для современного человечества. Он хотел жить вечно. В итоге если не вечно, то невероятно долго живет его заупокойная пирамида, ставшая крупнейшей археологической сенсацией XX века. Там найдена так называемая Терракотовая армия – удивительнейший памятник, который уже в XXI столетии привозили в Москву и выставляли в Государственном историческом музее.

История жизни и правления Цинь Шихуанди сохранена в замечательном источнике. Автор его – Сыма Цянь – написал исторические записки «Ши цзи» через 65 лет после смерти Шихуанди. Эти девять томов изданы и в русском переводе. Богатейшим материалом насыщена монография Л.С. Переломова «Империя Цинь – первое централизованное государство в истории Китая» (1962). Несколько раз переиздавалась переведенная с французского языка книга Вадима и Даниель Елисеефф «Цивилизация классического Китая». С английского переведено исследование Бамбера Гасконе «Краткая история династий Китая», книга вышла в Санкт-Петербурге в 2009 году.

Цинь Шихуанди родился в 259 году до новой эры в Ханьдине, в княжестве Чжао царства Цинь. Его отец Чжуан Сянван был правителем, это следует из его имени, поскольку «ван» означает «князь» или «царь».

Мать была наложницей. То есть Цинь Шихуанди – бастард. Более того, мать перешла к Джан Сянвану от предыдущего господина, придворного Люй Бувэя. И ходили слухи, что сын на самом деле – его. Люй Бувэй, кстати, всячески покровительствовал мальчику. Но оказаться его сыном было не очень лестно, потому что он, в отличие от Джан Сянвана, не был князем и даже занимался торговлей.

Происхождение многое объясняет в характере Цинь Шихуанди. История дает немало примеров того, сколь отчаянно рвутся к власти именно незаконнорожденные, а следовательно, уязвленные. Об этом не раз писал великий Шекспир. Есть такое особое стремление – доказать всему миру, что ты пусть и не такой знатный, как другие, зато самый сильный.

Мальчика назвали Чжэн, что означает «первый». Догадка гениальная! Ведь он действительно стал первым императором Китая.

В результате сложных придворных интриг Люй Бувэй добился того, чтобы в 13 лет Чжэн стал правителем государства Цинь – одного из семи китайских царств. Китай пережи-

вал в то время период раздробленности, и каждое из княжеств имело относительную самостоятельность.

Китайская цивилизация – одна из древнейших на земле. Ее начало относится к XIV веку до новой эры. Она родилась, как и некоторые другие древние культуры Востока, в долине двух великих рек – Хуанхэ и Янцзы. Речная цивилизация во многом зависит от ирригации. Воюя с соседями, можно просто разрушить ирригационную систему, которая обеспечивает поля водой. И засуха, и затопление чреваты потерей урожая и голодом.

В VIII–V веках до нашей эры Китай переживал этап раздробленности и внутренних войн. Но, даже несмотря на это, древним китайцам было свойственно осознание себя единой великой цивилизацией, Поднебесной – прекрасным миром, окруженным «злыми варварами» и потому вынужденным себя защищать. Причем китайцам действительно было чем гордиться. У них уже возникла письменность, они освоили металлургию и создали совершенную систему ирригации.

Надо понимать, что семь китайских царств – это полулегендарное понятие. Например, Британия на островах в Средневековье тоже началась с так называемых семи англосаксонских королевств. Это своего рода символ раздробленности. Китайские княжества – это Янь (северо-восток), Джао (север), Вэй (северо-запад), Цинь (тоже северо-запад), Ци (восток), Хань (центр) и Чун (юг).

Важнейшую роль в преодоления мозаичной разобщенности сыграло именно царство Цинь, располагавшееся на северо-западной границе, в предгорьях, в излучине Хуанхэ. Оно не было самым передовым в экономическом отношении, потому что главные его силы уходили на сдерживание варваров, наступавших с северо-запада, в том числе сюнну – будущих гуннов. Именно это заставило жителей царства Цинь создать военную организацию, более мощную, чем у соседей. Исследователи сравнивают внутреннее устройство царства Цинь с военной организацией Спарты. Бывают такие государства – не самые передовые экономически, но самые вынужденно организованные. Строжайшая дисциплина, прекрасное владение оружием – это выдвигает их в первые ряды. Так и Цинь оказалось самым заметным среди семи китайских царств.

Первые восемь лет на престоле Чжэн реально не правил. Власть принадлежала его покровителю Люй Бувэю, который назвался регентом и первым министром, получив также официальный титул «второго отца».

Юный Чжэн проникся новой идеологией, центром которой в это время было княжество Цинь. Она получила название легизма, или школы права. Это была идеология тоталитарной власти. Безграничный деспотизм вообще свойствен Древнему Востоку. Припомним древнеегипетских фараонов, которые сознавали себя богами среди людей. И правители Древней Ассирии говорили о себе: «Я царь, царь царей».

В Древнем Китае идеология легизма пришла на смену философии, которую разработал примерно за 300 лет до Шихуанди знаменитый мыслитель Конфуций (Учитель Кун, как его называют документы). Он организовал и возглавил первую в Китае частную школу. В нее принимали всех, а не только детей аристократов, ибо главная идея Конфуция – нравственно перевоспитать общество через перевоспитание правителей и чиновников. Это во многом близко, например, взглядам древнегреческого философа Платона, который в V–IV веках до нашей эры, примерно через сто лет после Конфуция, тоже говорил о необходимости перевоспитания правителей и даже попробовал перейти к практической деятельности. Платон, как известно, так раздражал одного из тиранов, что тот продал его в рабство.

Конфуций, как сообщает величайший историк Древнего Китая Сыма Цянь, предложил свои услуги семидесяти правителям, говоря: «Если кто-нибудь использует мои идеи, я смогу сделать нечто полезное всего за один год». Но никто не откликнулся.

Идеи Конфуция предвосхищают философию гуманизма. У него трудящийся народ должен быть подчиненным и работящим, но государство обязано заботиться о нем и защищать его – тогда в обществе будет порядок. Именно Конфуций учит: «Должность не всегда делает человека мудрецом». А мечтой его был мудрец на высокой должности.

Как пишет Сыма Цянь, Конфуций был недоволен современным ему обществом, опечален тем, что путь древних правителей заброшен. Он собрал и обработал древние гимны, стихи о единстве народа и власти, о необходимости подчиняться правителю, который должен быть добр к народу. Он видел общественное устройство как дружную семью. Потом Конфуцию приписали авторство, но, видимо, он на самом деле только собрал эти произведения.

По мнению же молодого Чжэна, увлеченного идеями легизма, закон есть высшая власть, идущая от неба, высший же правитель – носитель этой высшей власти.

В 238 году до новой эры Чжэн начал править самостоятельно. Люй Бувэя он сослал, заподозрив – вероятно, не беспочвенно – в подготовке мятежа. Затем его принудили к самоубийству. Остальные заговорщики были жестоко казнены. Среди прочих – и новый любовник матери Чжэна, ставленник Люй Бувея Лао Ай. Начиналась эпоха великих казней.

Цинь Шихуанди стал полновластным хозяином небольшого, но очень воинственного княжества. Первые 17 лет своего самостоятельного правления он непрерывно воевал. Его правой рукой сделался некто Ли Сы. Это был страшный человек. Выходец из низов, из глухой деревни, он оказался очень хитроумным и очень воинственным. Ли Сы горячо разделял идеологию легизма, придав ей определенную жестокую направленность: он утверждал, что закон и обеспечивающее его наказание, а значит, жесткость и страх есть основа счастья всего народа.

К 221 году до новой эры правителю Цинь удалось покорить шесть остальных китайских царств. На пути к цели он пользовался и подкупом, и интригами, но чаще всего – военной силой. Подчинив себе всех, Джэн объявил себя императором. Именно с этого времени он звался Шихуанди – «император-основоположник» (аналогично древнеримскому обозначению «император Август»). Первый император заявил, что править будут десятки поколений его потомков. Он жестоко ошибся. Но пока казалось, что этот род действительно непобедим.

Армия Цинь Шихуанди была огромна (ее ядро составляло 300 000 человек) и располагала все более совершенным железным оружием. Когда она отправилась в поход против сюнну, варвары были отброшены, а китайская территория на северо-западе значительно расширена. Чтобы обеспечить защиту от враждебного окружения, император приказал соединить былые укрепления шести царств новыми крепостными сооружениями. Этим он положил начало строительству Великой Китайской стены. Возводили ее, так сказать, всем миром, но не добровольно, а принудительно. Главной строительной силой были солдаты. Вместе с ними работали сотни тысяч заключенных.

Укрепляя внутренний порядок, Цинь Шихуанди продолжал отгораживаться от внешнего варварского мира. Мобилизованное население неутомимо строило Великую стену. Оставался китайский император и завоевателем. Он затеял войны в Южном Китае, на землях, не входивших в число семи царств. Расширив свои владения на юге, Шихуанди двинулся дальше и покорил древнейшие государства Вьетнама, которые назывались Намвьет и Аулак. Туда он насильственно переселял колонистов из Китая, что вело к частичному смешению этносов.

Цинь Шихуанди основательно занялся внутренними делами государства. Ему приписывают такой лозунг: «Все колесницы с осью единой длины, все иероглифы стандартного написания». Это означало принцип единообразия буквально во всем. Как известно, к стандартизации, в частности, мер и весов, стремились и древние римляне. И это было очень разумно, потому что способствовало развитию торговли. Но в Риме, при всей тяге

к порядку и дисциплине, сохранялись и элементы демократии: Сенат, выборные государственные должности и так далее.

В великой же древневосточной империи единообразие поддерживало прежде всего ничем не ограниченную центральную власть. Император был объявлен сыном неба. Появилось даже выражение «мандат неба» – мандат от высших сил на абсолютную власть над каждым человеком.

Заботясь о единообразии, Цинь Шихуанди создал целостную сеть дорог. В 212-м до новой эры он приказал провести дорогу с севера на восток, а затем прямо на юг, в столицу. Причем проложить ее было велено прямо. Исполняя приказ, строители прорубали горы и перебрасывали мосты через реки. Это была грандиозная работа, посильная только для мобилизованного населения тоталитарного государства.

Император ввел единую систему написания иероглифов (в покоренных царствах письменность несколько различалась) и общую систему мер и весов. Но наряду с этими благими деяниями была и организация единой системы наказаний. Легисты утверждали: «Разуму народа можно доверять настолько же, насколько и разуму ребенка. Ребенок не понимает, что страдание от малого наказания – это средство получить большую пользу».

Новой столицей император сделал город Сяньян, недалеко от современного Сианя, к юго-западу от Пекина, в центре современного Китая. Туда была переселена высшая знать из всех шести царств – 120 000 семей. Всего в столице проживало около миллиона человек.

Всю территорию государства поделили на 36 административных округов, чтобы прежние границы царств были забыты. Новое деление никак не соотносилось ни с былыми границами, ни с этническими особенностями населения. Все держалось исключительно на насилии.

Ни одному человеку в империи не разрешалось иметь личное оружие. Его у населения отобрали, а из полученного металла отлили колокола и 12 гигантских статуй.

А в 213 году до новой эры был принят закон об уничтожении книг. Его энтузиастом был Ли Сы. Он считал важным, чтобы люди забыли об учености и никто не вспоминал о прошлом, чтобы избежать дискредитации настоящего. Историк Сыма Цянь приводит текст обращения Ли Сы к императору. Придворный с возмущением сообщает: «Услышав об издании указа про книги, эти люди тут же начинают обсуждать его исходя из своих собственных идей! В душе они его отрицают и занимаются пересудами в переулках! Они делают себе имя, понося начальство». Все это считалось недопустимым. У людей не должно быть никаких собственных идей, а решения властей не следовало обсуждать.

Вывод Ли Сы таков: мириться с таким положением нельзя, так как оно чревато ослаблением правителя. Надо сжечь все книги, хранящиеся в императорских архивах, кроме хроники династии Цинь. Следует изъять тексты Шицзин и Шу-цзин – древние гимны и исторические документы, объединение которых приписывают Конфуцию, – и сжечь их без разбора. Уничтожению не подлежат только книги, посвященные медицине и гаданиям. «Тот же, кто пожелает учиться, – пишет Ли Сы, – пусть берет в наставники чиновников».

И конечно же, необходимо казнить всех, кто осмелится говорить о Шицзин и Шу-цзин, а тела казненных выставлять на торговых площадях. Если же кто-либо будет критиковать настоящее, ссылаясь на прошлое, и хранить запрещенные книги, его надо казнить вместе со всей семьей, причем уничтожить три поколения, связанные с этим человеком.

Приблизительно через полвека после смерти Шихуанди в стене одного из старых домов нашли замурованные книги. Погибая, ученые прятали их, надеясь сохранить знание. Так не раз бывало в истории: правитель истреблял ученых, но культура со временем возрождалась. И Китай при династии Хань, утвердившейся на престоле после преемников Шихуанди, вернулся к идеям Конфуция. Впрочем, великий мудрец вряд ли узнал бы себя в новых пересказах. Его философия была во многом основана на патриархальных мечтах о

справедливости, равенстве, на вере в возможность перевоспитать правителя. После господства легизма неоконфуцианство впитало идею незыблемости порядка, естественного деления людей на высших и низших и необходимости сильной центральной власти.

Чтобы провести в жизнь свои законы, Цинь Шихуанди создал целую систему жесточайших наказаний. Виды казни для порядка были даже пронумерованы. Причем убить человека ударом палки или проткнуть копьем – это легкие способы казни. Во многих случаях требуются другие, более изощренные. Император постоянно ездил по стране, лично следя за исполнением своих решений.

Повсюду возводились стелы с надписями такого, например, содержания: «Великий принцип управления страной прекрасен и ясен. Его можно передать потомкам, и они будут следовать ему, не внося никаких изменений». На другой стеле появились такие слова: «Надо, чтобы повсюду теперь люди знали, чего нельзя делать». Стелы Шихуанди – квинтэссенция деспотизма, основанного на запретительно-карательной системе тотального контроля.

Шихуанди построил для себя гигантские дворцы и приказал соединить их запутанными дорогами. Никто не должен был знать, где в данный момент находится император. Он всегда и всюду появлялся неожиданно. У него были основания бояться за свою жизнь. Незадолго до его кончины были один за другим разоблачены три заговора.

А умирать Шихуанди не хотел. Он верил, что можно найти эликсир бессмертия. Чтобы добыть его, были разосланы многочисленные экспедиции, в том числе – к островам Восточного моря, видимо в Японию. Об этой далекой и труднодоступной земле в древности ходила всяческая молва. Поэтому было нетрудно поверить, что эликсир бессмертия хранится именно там.

Узнав о поисках эликсира, уцелевшие ученые-конфуцианцы заявили, что это суеверие, подобного средства не существует. За подобные сомнения 400 или 460 конфуцианцев были по приказу Шихуанди живыми зарыты в землю.

Так и не получив вожделенного эликсира, Цинь Шихуанди сосредоточил главное внимание на своей гробнице. Трудно сказать, была ли у него в действительности идея, чтобы вместе с ним похоронили его гигантскую армию, и пришлось ли уговаривать императора заменить живых воинов терракотовыми.

Цинь Шихуанди умер в 210 году до новой эры, во время очередного объезда владений. Его уверенность в том, что установленный порядок незыблем, не оправдалась. Крах системы наступил очень быстро после его смерти. Ли Сы обеспечил самоубийство прямого наследника – старшего сына императора Фу Су, а затем добился того, чтобы все сыновья и дочери Шихуанди были уничтожены один за другим. С ними было покончено к 206 году. Жив остался лишь его ставленник Ли Сы, младший сын Шихуанди Эр Шихуанди, которого Ли Сы считал марионеткой, игрушкой в своих руках.

Но главный евнух дворца сумел расправиться с самим Ли Сы. Бывшего всесильного придворного предали казни по всем тем правилам, которые он пропагандировал и насаждал, причем по четвертому, самому чудовищному варианту. Очень поучительная история для злодеев…

В 206 году до новой эры был убит и второй император Эр Шихуанди. В стране развернулось мощное движение социального протеста. Ведь население уже много лет страдало от жестоких порядков и роста податей. Дошло до того, что у каждого человека изымалась примерно половина дохода. Начались народные восстания, одно из них, как ни удивительно, оказалось успешным. Династия Хань, последовавшая за династией Цинь, – это потомки одного из победителей, возглавившего грандиозное народное движение.

А в 1974 году китайский крестьянин обнаружил в одной из деревень в районе города Сиань, недалеко от бывшей столицы Шихуанди, фрагмент глиняной скульптуры. Начались раскопки – и было найдено 8000 терракотовых солдат, каждый высотой примерно 180 санти-

метров, то есть нормального человеческого роста. Это была Терракотовая армия, сопровождавшая первого императора в последний путь. Захоронение самого Цинь Шихуанди пока не вскрыто. Но археологи считают, что оно находится там же.

Первый император Китая стал героем многочисленных книг и фильмов. Надо сказать, что он очень полюбился фашистам, которые по сей день лепят из него свой идеал, забывая, как дорого обошелся стране созданный им порядок и насколько недолговечен он оказался.

Луций Корнелий Сулла – счастливчик-злодей

Для тех, кто не очень подробно знает историю Древнего Рима, но читал знаменитый роман Р. Джованьоли «Спартак», образ Суллы неразрывно связан с подавлением восстания Спартака 74(75–73)–71 годов до нашей эры.

Сам Луций Корнелий Сулла назвал себя Феликс, что можно перевести как «счастливый». Таким он хотел казаться. Счастливчик, везунчик, любимец… К концу жизни он стал говорить, что ему покровительствует сама богиня Венера, которая у римлян соединяла в себе и мудрость, и красоту, и любовь.

А потом к прозвищу «счастливчик» добавилось слово «злодей». И произошло это очень скоро. Уже римские историки Саллюстий и Плутарх именно так его оценивали. И когда сегодня книга о Сулле выходит в серии «Жизнь замечательных людей», надо понимать, что «замечательный» в данном случае никак не значит «прекрасный». Но «заметный» – безусловно.

Годы жизни Суллы – 138–78 до нашей эры. Он не дожил даже до 60-летия. Впрочем, жизнь его завершилась именно так, как он хотел.

Сулла происходил из древнего аристократического рода Корнелиев и всю жизнь последовательно служил интересам аристократии. В отличие от своих соперников он никогда даже на словах не сочувствовал демократическим идеям.

Род Суллы был знатным, но обедневшим. Причины понятны: прадеда изгнали из Сената, высшего органа управления, за расточительство и страсть к роскоши. В Риме существовало понятие «виртус» – комплекс добродетелей, обязательно включавший в себя скромный образ жизни, причем в первую очередь для богатых. Римляне ценили доблести воинские, ораторские, интеллектуальные, но никак не внешнюю пышность.

Правда, следовать этим принципам хотели далеко не все. Уже после Суллы император Октавиан Август вынужден был даже издавать специальные законы против роскоши. А нарушала их самой первой его собственная семья…

Сулла получил утонченное греческое образование, соответствовавшее его аристократическому статусу. Случилось так, что Греция, которая после покорения ее Римом во II веке до нашей эры утратила былое величие, сохранила свое интеллектуальное превосходство. И победители-римляне признавали греческое образование самым высоким.

В юности Сулле из-за недостатка средств приходилось жить не в собственном доме, а в съемной квартире, что было позором для аристократа. Но он не унывал. Изучал ораторское искусство, читал Аристотеля и вращался в кругу золотой молодежи, где щедро тратил свое небольшое состояние и был известен как человек щедрый и веселый. К тому же в молодости он был, по свидетельству современников, весьма хорош собой.

Он довольно долго не интересовался карьерой, предпочитая другие радости жизни. Лишь в 31 год (а не в 21, как было принято у римлян) он получил самую первую, низшую должность в системе римских магистратур – квестора, то есть помощника консула, при знаменитом полководце Марии.

Сначала изнеженному Сулле было не по себе в лагере Мария – человека простого происхождения, окруженного офицерами тоже преимущественно из низов. Здесь Сулла впервые продемонстрировал гибкость и умение строить отношения с людьми. Он быстро превратился из изгоя в любимца солдат, офицеров и самого Мария, которому Сенат поручил добиться наконец перелома в знаменитой Югуртинской войне.

Вначале война против Югурты – царя североафриканского государства Нумидии (восточная часть современного Алжира) – была для Рима сплошным позором. Прежде, во времена Пунических войн, жители Нумидии помогали Риму в борьбе против Карфагена,

потому что ближайший сосед был для них значительно опаснее. Но затем их пути с Римом разошлись. Освободившись от Карфагена, нумидийцы меньше всего хотели попасть под железную руку римской государственной системы.

Царь Югурта получил образование в Риме. В борьбе за власть в Нумидии он перебил всех своих близких родственников и подкупил часть римских сенаторов, чтобы они его поддержали. А захватывая столицу Нумидии Цирту, Югурта уничтожил и всех находившихся там римлян. Это был, как говорили римляне, *casus belli* – причина для начала войны, которая получила в римской истории название Югуртинской и длилась с 111 по 105 год до нашей эры.

С самого начала войны Рим, к своему ужасу, терпел поражение за поражением. А Югурта еще и заявлял: у меня столько золота, что я, если захочу, куплю весь Римский Сенат.

На исправление положения был брошен консул Гай Марий – талантливый полководец и сильная натура. Он установил в армии жесткий порядок и переломил ход войны. Одержав первые победы, Марий еще не мог считать себя победителем: Югурта был цел и невредим и бежал к своему тестю, в соседнюю Мавританию. Для римского же полководца не провести по улицам Рима плененного противника означало – не победить.

Римляне вели переговоры с мавританским царем Бокхом – тестем Югурты – о том, чтобы он выдал им родственника. Но окончательного согласия добиться не удавалось. Надо было идти прямо в его лагерь и попытаться захватить Югурту. Никто не хотел браться за это дело. И тогда молодой офицер Сулла предложил свою кандидатуру.

Бокх пригласил на пир маленькую группу римлян – как бы для переговоров. Он обещал подать им знак, когда можно будет схватить Югурту. Риск был велик. Ведь Бокх вполне мог подать и совершенно другой знак своим воинам, чтобы те схватили римлян.

Но Сулла заявил, что он верит в свою счастливую звезду и гарантирует успех! И все убедились в этом на опасном пиру у царя Бокха. Югурта был схвачен, и дальше все пошло как по писаному. Состоялся триумф Мария в Риме, за колесницей триумфатора вели Югурту, облаченного в царские одежды, но побежденного. И в этом триумфе Мария уже проступал будущий триумф Суллы.

Когда молодой офицер столь стремительно прославился, Марий ощутил первый укол ревности. Его триумф был омрачен огромным успехом Суллы. Но отказаться от его услуг старый полководец не решился, сознавая и его растущую популярность, и безусловные таланты.

А тем временем Риму стала угрожать новая опасность. Это было неизбежно: после Пунических войн III–II веков до нашей эры Рим – победитель Карфагена – начал становиться мировой державой. Отсюда и гордость хозяев мира, и огромные богатства, но отсюда же и неизбежные угрозы буквально со всех сторон.

В 113 году до нашей эры началась война с германским племенем тевтонов. Марий направил туда Суллу легатом, то есть своим полномочным представителем. И Сулла опять проявил себя решительным и бесстрашным офицером. Такие качества высоко ценились в постоянно воюющем Древнем Риме.

В 93-м (точная дата неизвестна, по Википедии – в середине 90-х) он получил высокую должность претора. Она позволяла управлять провинцией, а значит, давала возможность поправить свои материальные дела. В Древнем Риме, как и в любом традиционном обществе, действовал простой порядок: чиновник получал в управление провинции для того, чтобы там разбогатеть. Став правителем Киликии в Причерноморье, Сулла не только разбогател, но и одержал первые победы над местным царем Митридатом Понтийским.

Но Мария он затмил не этим. Решающую роль в успехе Суллы сыграла величайшая в истории Рима, опаснейшая война внутри Италии, которая получила название Союзнической. С VI века до нашей эры Рим юридически был полисом, небольшой гражданской общиной

в области Лациум. Остальная Италия была населена многочисленными племенами: сабинянами, самнитами, этрусками и другими. Они именовались «союзниками римского народа». Довольно-таки лицемерное название, потому что «союзники» не имели гражданских прав. Хотя они вместе с жителями Рима отражали нападения врагов, это не давало им права избирать и быть избранными на ведущие должности или участвовать в Народном собрании. Их терпение должно было когда-нибудь кончиться.

Протест зрел постепенно. Еще в 34 году II века до нашей эры мудрые и достойные люди – братья Тиберий и Гай Гракхи – предупреждали, что лучше дать италикам – жителям Италии – гражданские права, включить их в какие-либо комиции – один из видов Народного собрания. Гракхи призывали также поддержать римское крестьянство, понимая, что его разорение разрушает основы войска. Гракхи – последние в римской истории люди, у которых слова о демократизации республики соответствовали истинным намерениям.

Они были убиты, а предложенные ими законы отвергнуты. Можно сказать, что это стало прелюдией будущих гражданских войн. В дальнейшем все продолжали говорить об отечестве, о его спасении от тиранов. И сами тираны особенно усердствовали, потому что это уже была ложь, полезная в борьбе за власть.

В тяжелейшей Союзнической войне 91–88 годов Рим, напрягая последние силы, победил в военном отношении. Но политически он уступил и отдал союзникам все, чего они хотели.

Во время этой войны Сулла решительно выдвинулся на первый план. Именно он со своей частью войска победил самых воинственных, самых опасных из италиков – самнитов. Это очень не понравилось консулу Марию, который хотел любой ценой сохранить свое лидирующее положение.

А Сулле продолжало везти. Уже разбогатев, он к тому же удачно женился (в первый раз из пяти) на дочери верховного жреца. Его положение окончательно укрепилось. Он получил консульскую должность, Народное собрание и Сенат приняли решение отправить его на Восток – командовать войсками в дальнейшей борьбе за расширение римских владений, а значит, вновь воевать с Митридатом Понтийским.

Как только Сулла отбыл из Рима, Марий добился решения о том, чтобы отнять у него командование. Но Сулла не был настроен сдаваться. Легаты Народного собрания, которые прибыли в его лагерь, чтобы сообщить неприятное известие, были попросту растерзаны возмущенными солдатами. Сулла умел щедро солдат одаривать, и потому был горячо любим. Он хорошо понимал, что такое опора. А под его началом уже было около 100 тысяч солдат. Это была великая сила. Последствием военной реформы Мария стало то, что главные вопросы теперь решало не государство, опиравшееся на народное ополчение, а полководец, командующий фактически наемной армией.

Сулла не знал сомнений и твердо верил в свою звезду. Он решил с войском идти на Рим, чтобы «освободить отечество от тиранов». В 82 году до новой эры произошло сражение у Коллинских ворот, в северной части города. Это была первая битва римлян против римлян, начало гражданских войн. Эпоха как будто нуждалась в таком циничном, не оглядывающемся на прошлое человеке, как Сулла, чтобы сломать былые римские принципы. Ведь впереди были новые подъемы – золотой век Октавиана, золотой век Антонинов. Но сначала должен был уйти в прошлое классический римский виртус. Переломные периоды истории всегда порождают людей действия, как их нередко называют, а по сути – тиранов и циников.

Конечно же, Сулла не думал, что ломает римскую политическую систему, – он был убежден, что укрепляет ее, защищает аристократическую республику. Он создавал собственный образ спасителя отечества и былых ценностей. Популярный во все времена лозунг наведения порядка многое оправдывал.

Сулла стал диктатором. В Древнем Риме диктатор – это не просто некто, захвативший власть. Диктаторские полномочия получали из рук высшего демократического органа – Народного собрания – на определенный срок, когда государству угрожала опасность. Кстати, подобная практика повторилась в XVIII веке, в годы Великой французской революции. Якобинцы тоже заявляли, что пришли к власти на время, чтобы навести порядок, потому что отечество в опасности. Они обещали после наведения порядка избрать демократические органы власти. Более того – они приняли самую демократическую конституцию, только никогда ее не исполняли. И застучал нож гильотины.

Примерно то же самое было и в годы правления Суллы. Все делалось законно. Кроме одной детали: его диктатура не была ограничена сроком. Эта новация со временем закрепилась в римской политике. И власть, например, Юлия Цезаря была пожизненной, что в глазах поборников демократии решительно приближало его статус к царскому.

Кстати, Сулла в цари не рвался. Ведь в Риме в далекие времена были цари, а точнее – племенные вожди, но он считал себя неизмеримо выше их. Он видел себя наперсником богов. Но при этом не забывал и о вполне земной политике.

Чтобы расширить свою опору, Сулла единым решением отпустил на свободу 10 тысяч рабов. Все они получили в честь него одно имя – Корнелий. И эти 10 тысяч Корнелиев были искренне преданы своему освободителю. Они стали его опорой в Народном собрании и его охраной. Кроме того, при нем было его войско – около 100 тысяч человек, для которого он добивался самых высоких наград по окончании любой операции.

А чтобы обеспечить беспрекословное исполнение своей воли, Сулла предположительно 3 ноября 82 года до нашей эры ввел так называемые проскрипции. *Proscriptio* полатыни буквально – «письменное обнародование». Проскрипции – это списки, которые вывешивали на стенах частных домов и общественных зданий, чтобы все знали, какие люди являются врагами Рима. Этот страшный опыт не раз повторялся в истории. В XVIII веке Великая французская революция изобрела термин «враги народа», а в XX его широко использовал советский сталинский режим.

При Сулле система проскрипций действовала очень четко. Люди, чьи имена попали в списки, должны были быть казнены. Никто не имел права укрывать включенных в страшные списки. Тех, кто им помогал, тоже казнили. А следовательно, отменялось все: родственные связи, дружба, сочувствие… Дети же проскрибированных – врагов народа – лишались почетных прав и состояния.

Имущество проскрибированных конфисковалось, причем, если был доносчик, он получал существенную часть. Более того – проскрибированного можно было казнить самому. А потом принести его голову и получить деньги. Награда выдавалась даже рабам, только несколько меньшая, чем свободным гражданам. Зато раб обретал личную свободу. Эта система окончательно подрывала основы римской олигархической республики.

Общее число казненных точно неизвестно. Сначала в списках были десятки имен (первые 60 – сенаторы). Потом пошли сотни, а дальше – тысячи. Доносы писали на родственников, на соседей… В один из списков попал юный Гай Юлий Цезарь – племянник бежавшего в Африку Мария, главного врага Суллы. Несколько дней какие-то простые люди прятали больного Цезаря. А потом его влиятельные знакомые умолили Суллу вычеркнуть этого юношу из рокового списка. И Сулла вычеркнул, сказав: вы об этом пожалеете, в нем сидит сотня Мариев. Весьма прозорливое замечание!

Следствием проскрипций стал всеобщий безумный страх. Сулла делал все, чтобы его подогревать. Едва получив полномочия диктатора, он встретился с Сенатом в храме Билоны, приказав предварительно, чтобы недалеко, на Марсовом поле, в это время убивали 6 тысяч пленных – его врагов. До храма доносились стоны, вопли, что произвело на Сенат очень большое впечатление. С Суллой никто и ни в чем не стал спорить.

Уверенный, что умрет счастливым, он, наверное, оказался в чем-то прав. Пробыв диктатором три года, Сулла за два года до смерти, в 79 году до нашей эры, официально объявил, что уходит от власти. Умиравшее от страха общество окончательно оцепенело. Всем казалось, что такого не может быть. Абсолютный властитель мировой державы говорит просто: я ухожу!

Выступая в Народном собрании, Сулла сказал: если у кого-то есть желание выслушать мой отчет о содеянном, я сейчас же отчитаюсь. Понятно, что никто не посмел ничего сказать. Все демонстрировали восторг.

И вот он один, без охраны, медленно, ничем не защищенный, покинул Народное собрание. После этого Сулла уехал в свое дальнее поместье и начал заниматься садом, огородом, рыбной ловлей. Писал воспоминания и создал 22 книги, которые потом очень пригодились римским историкам. Составлял законы. А еще весело проводил время в обществе многочисленных актеров, которых к себе приглашал.

Государственный аппарат был парализован. Все ждали, что диктатор передумает. Просто проверит, кто как себя повел в этой ситуации, и вернется. Чиновники по собственной инициативе приходили к Сулле и спрашивали, что делать. И он давал указания, которые, как и раньше, беспрекословно исполнялись.

Сулла был болен. Природа его болезни точно не определена. Некие язвы, которые условно называют «вшивой болезнью», заставляли его подолгу сидеть в воде. Но он все равно был полон энергии и, вероятно, по-прежнему чувствовал себя счастливчиком.

За два дня до смерти Сулла вызвал к себе некоего Грания, который, как ему пожаловались, не возвращал деньги казне, и велел его удавить. Приказание было выполнено. Сулла при этом стал страшно кричать, у него начались судороги, горловое кровотечение – и он умер.

Состоялись самые пышные в истории Рима похороны. Эпитафию Сулла заранее сочинил сам: «Здесь лежит человек, который более чем кто-либо из других смертных сделал добра своим друзьям и зла врагам».

Между прочим, историк Саллюстий многократно подчеркивал, что у Суллы было много замечательных качеств. Умный, образованный, в другую эпоху он якобы мог и не стать таким страшным злодеем. Но согласиться с этим почему-то очень трудно.

Аттила – бич Божий

Жизнь предводителя гуннов Аттилы была, видимо, недолгой, хотя точно мы этого не знаем. Известно, когда он умер, – это произошло в 453 году новой эры. Остальное определяется лишь по косвенным данным. Получается, что родился он в 10-х годах V века, а значит, прожил около 50 лет. Но след, оставленный им в истории, поистине огромен.

Его завоевания произвели колоссальное впечатление на современников. А в следующие века его личность даже несколько демонизировалась. Особенно усердствовала в этом католическая церковь, для которой важнее всего было то, что Аттила не принял христианства, так и оставшись язычником. В VII веке писатель Исидор Севильский говорил, что гунны были посланы Богом в наказание людям за грехи – так же, как стихийные бедствия и эпидемии. А в XII веке теолог Цезарий Гейстербахский назвал Аттилу *flagellum Dei* – бич Божий.

Аттилу породила эпоха великого переселения народов, когда после падения Римской империи из некоего месива различных племен и античного наследия рождалась цивилизация Средневековья. Переселявшиеся народы были преимущественно варварскими. Но даже германцы, составлявшие их большинство, не произвели на современников такого впечатления, как гунны, хотя тоже крушили все на своем пути, брали Рим, жгли его и уничтожали его население. Чего стоит, например, вандальский погром 455 года! С тех пор слово «вандал» приобрело новое значение – «разрушитель культуры». И все-таки именно гуннское нашествие сделалось всемирным символом катастрофы.

Гунны вызывают у историков многочисленные споры. Согласно одной из версий, их появление в Европе (еще до Аттилы) стало своего рода детонатором великого переселения народов. В 375 году они уничтожили «варварское» королевство бургундов. Это событие отражено в великом европейском эпосе – «Песни о Нибелунгах». Там фигурирует, кстати, и Аттила. Он вообще превратился – под разными именами – в героя многих эпических сказаний.

Что же касается документальных источников, то главный из них – произведения византийского дипломата, историка и писателя Приска Панийского. Он видел Аттилу лично, был с посольством в его ставке. Причем посольство прибыло с тайным заданием убить гуннского вождя. Правда, поручено это было не Приску – он лишь вел дневник, который сохранился в отрывках и пересказах других авторов.

Через 100 лет после Аттилы о нем писал готский историк Иордан. Его знаменитый труд «О происхождении и деяниях готов» коротко называется «Гетика». Не вызывает сомнений, что Иордан был знаком с дневником Приска в полном объеме. Есть немало упоминаний об Аттиле и в различных исторических хрониках.

Посвящена гуннам и большая современная литература. Среди прочих выделяется книга «Хунны» Л.Н. Гумилева, пронизанная страстью к науке и полная оригинальных идей. Очень интересно и исследование британского ученого Э.А. Томпсона «Гунны. Грозные воины степей». Подробная биография Аттилы представлена также в статье советского востоковеда И.А. Стучевского «Атилла», опубликованной в журнале «Вопросы истории» в 1968 году.

Прародина гуннов находилась, видимо, далеко на востоке, в Центральной Монголии, в тех же краях, родом из которых был еще один великий завоеватель – Чингисхан. И именно с Чингисханом можно сравнить Аттилу по масштабу и дикости завоеваний, хотя их и разделяет приблизительно шесть веков.

В основе гуннского этноса – тюркские и монголо-тунгусские этнические группы (по БСЭ, гунны включали в себя также угров и сарматов). Предшественниками гуннов были племена хунну (сюнну), чье китайское название означает в буквальном переводе «злые рабы». В III веке до нашей эры в Южном Забайкалье существовала так называемая «держава Хунну» – союз воинственных племен. Начиная со II века хунну совершали опустошительные набеги на соседей, и огромный, могучий Китай платил им дань. В конце II – начале I века до новой эры «держава» хунну стала распадаться. Часть хунну ушла на запад: одни – в Восточный Казахстан, другие – на Волгу и Дон. В течение веков гунны проделали громадный путь и в буквальном, и в переносном смысле. Они оставили заметный след в Евразии, их черты хранят некоторые народы Поволжья и Алтая.

Появление гуннов в Европе в IV веке нашей эры ознаменовалось разгромом остготов – восточной ветви германского племени готов, осевшей в причерноморских степях, между Днепром и Доном, а также в Крыму, где к ним позже присоединились скифо-сарматские и славянские племена. Гунны разгромили готов в 375 году и ушли дальше на запад, где осели в Паннонии, на территории нынешней Венгрии. Современные венгры отмечают, как ни поразительно, юбилей «прихода на родину» – так они трогательно называют заселение гуннами Дунайских областей.

Конечно, оседлость гуннов была относительной. Они постоянно продолжали движение, создав, однако, некий центр – военную ставку в Паннонии. Они испытывали потребность в завоеваниях новых земель. Аттила, как известно, заняв очередную территорию, первым делом запрещал заниматься на ней сельским хозяйством. Земледелие его раздражало.

Как выглядели гунны IV века? Мы узнаем об этом из замечательного источника – трудов римского историка и писателя Аммиана Марцеллина, обладавшего огромной любознательностью, тонкой наблюдательностью и великолепным стилем. Вот что он писал о гуннах: «Все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов». Показательно, что в Средние века на некоторых гравюрах Аттилу изображали с рогами. Но вернемся к описанию гуннов, данному Аммианом Марцеллином: «Они питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением».

Римский историк отметил также, что гунны крайне воинственны и жестоки в бою. А самое удивительное – никто из них не может ответить на вопрос, где его родина. Гунн зачат в одном месте, рожден в другом, вскормлен в третьем.

Где же родился Аттила? Можно предположить, что в Паннонии, нынешней Венгрии, при вожде Ругиле (или Руа), приходившемся ему родным дядей. Дед Аттилы, Эфаль (или Эталь), по легенде, был убит рабом своего сына Мундзука. А сам Мундзук – отец Аттилы – через некоторое время отравлен собственным братом. Да и сам дядя Ругила со временем внезапно скончается.

Вождям гуннов было за что бороться. По пути из Азии они постоянно грабили – и разбогатели. Ко временам Аттилы у них было уже что-то вроде дворцов – деревянные дома, обшитые деревом и даже как-то изукрашенные. Там хранились ковры, ткани, серебряная и золотая посуда. Уже при Ругиле гунны получали постоянную дань от Восточной Римской империи. К ним текли тонны золота. Но они не успокаивались, нуждаясь в новых и новых грабежах.

По Европе ходила легенда о том, что гунны произошли от браков остготских женщин, сосланных за колдовство в пустыню около Меотийского болота (Азовского моря), с местными злыми духами. Там, в болотах, колдуньи производили на свет монстров. А ведь всякий миф имеет реальные основания…

И даже когда гунны научились есть на серебряных и золотых блюдах и устраивать дипломатам торжественные встречи – а Приск рассказал о том, как их приветствовали пением гуннские девушки, как на пиру подавали чаши с вином, – их дикарский дух был неистребим и заставлял Европу трепетать.

Итак, Ругила поделил свою, условно говоря, «империю», власть над конгломератом племен, между племянниками Аттилой и Бледой – и внезапно умер. В течение 12 лет братья как-то сосуществовали, по отдельности совершая набеги на Византию.

Они были очень разными. В источниках сохранилась такая, например, история. Бледа обожал некоего забавного мавританского карлика по имени Зерко и приказал даже изготовить для него доспехи, чтобы было еще смешнее. Однажды Зерко сбежал. Бледа был в ярости. Карлика вернули в кандалах. На взгляд Бледы, это тоже было очень смешно. Зерко, заикаясь, объяснил своему господину, почему попытался бежать: ему не давали общаться с женщинами. Это еще больше развеселило Бледу, и он пообещал предоставить своему любимцу какую-нибудь знатную даму из Восточной Римской империи (Византии).

А вот Аттила карлика не выносил. Его подспудная ненависть к брату-сопернику выражалась в отношении к Зерко. Как именно Аттила расправился с Бледой, неизвестно. В хронике современника, историка и богослова Проспера Аквитанского, сообщается: состоялось коварное умерщвление Бледы. После этого Аттила стал единоличным правителем.

Условная «держава» гуннов представляла собой нечто колоссальное. Она начиналась к северу от Дуная и простиралась от Причерноморья до Рейна. Строгого административного управления на этой огромной территории не было. Но в целом она была подконтрольна предводителю гуннов.

Чтобы отличиться, Аттила задумал новые походы. Источники говорят о том, что ему достался меч бога войны. Якобы некая корова поранила ногу, пастух пошел искать то, обо что она порезалась, и нашел древний, замечательно острый меч. Он принес находку Аттиле, а тот сразу догадался, что это меч бога войны. Считалось, что его чтили прежние вожди гуннов, а потом меч был надолго утерян. В сущности, Аттила предпринял некий «пропагандистский ход», укрепляя свой авторитет единственного правителя гуннов с помощью понятных его подданным суеверий.

Уверенный, что меч принесет победу, Аттила переместил свою резиденцию дальше на восток. Его взор был устремлен на Восточную Римскую империю, которой в тот момент правил император Феодосий II – человек не очень сильный и не очень решительный.

У Византии с момента ее возникновения в 395 году, когда Римская империя разделилась на Западную и Восточную части, было исключительно сложное положение. Она представляла собой мост между Западом и Востоком, и ее всегда теснили кочевники. Да и население самой Византии было пестрым: римляне, греки, сирийцы… Огромные, очень богатые территории, которые трудно держать под контролем.

Феодосий II был лишь вторым по счету самостоятельным правителем Византии. Сами жители этого молодого государства называли себя ромеями, то есть римлянами. Раздел Римской империи казался им тогда делом временным.

И вот всего через 50 лет после образования Восточной Римской империи, в 445 году, на нее двинулся походом Аттила. В тот момент у Византии не сформировалось еще ни развитой системы управления, ни мощной армии.

А гунны уже не были просто дикими кочевниками на лошадях. Они научились использовать деревянные платформы на колесах со специальными, плетенными из ивняка щитами – своего рода военные машины. Они освоили тараны, с помощью которых пробивали крепостные стены. И войско их было пестрым, но неплохо организованным, построенным чаще всего по этническим группам, с учетом военных умений каждого.

Первый и главный удар в походе 445–448 годов Аттила нанес по Греции. Современники говорят об уничтожении то ли 70, то ли 100 городов. Гунны грабили греческие города и обозами отправляли драгоценности в свою ставку, тысячи людей были угнаны в рабство. У гуннов уже возникла собственная знать, которая хотела новых и новых богатств. Хронист Марцеллин Комит пишет: «В страшной войне Аттила почти всю Европу стер в пыль». Он преувеличивает, воспринимая как «стирание в пыль всей Европы» уничтожение греческих городов. Но и это было по-настоящему страшно!

Феодосий II был не в силах препятствовать захвату гуннами огромных территорий – современной Греции, Сербии, Румынии. Тем более что с востока на Византию давили персы, уже занявшие Армению.

Кроме того, Константинополь пострадал от землетрясения. Это вдохновило Аттилу, который понял, что стены рухнули и город теперь беззащитен. Однако дело завершилось не разграблением Константинополя, а заключением позорного для Восточной Римской империи мира. Согласно договору, который подписал Феодосий II, Аттила получил земли по правому берегу Дуная. Там он, кстати, и запретил заниматься земледелием. Кроме того, ему были выплачены, как это сегодня называется, контрибуции – 6000 фунтов золота, около двух тонн. Была установлена и ежегодная дань – 2100 фунтов золота.

И еще один пункт, который почему-то был для Аттилы очень важен, – возвращение всех перебежчиков, как он их называл. Есть разные мнения по поводу того, почему он придавал этому вопросу такое большое значение. Может быть, это был постоянный предлог для притязаний, постоянный повод для похода. Или же он опасался, что гунны, перешедшие на сторону Восточной Римской империи, усилят армию врага.

Феодосий II дал Аттиле титул *magнster mнlitum* – «главный военный», главнокомандующий. Так поступали римляне, когда нанимали для защиты своих границ так называемых федератов – варварских вождей с их дружинами. Византийский император и выдачу гуннам огромных средств объяснял тем, что им надо заплатить за охрану северных границ. А по существу он откупался от Аттилы. Не хотел быть «обращенным в пыль».

Присвоение Аттиле титула *magнster mнlitum* свидетельствовало о варваризации великой римской цивилизации. Она гибла не только под ударами завоевателей, но и изнутри. Боже мой, как звучало на гордой латыни звание этого страшного дикаря!

Многие великие завоеватели в мировой истории напитывались культурой народов, которые покоряли. Так было, например, с чингизидом Хубилаем, подчинившим себе Китай – и подчинившимся китайской культуре. Так, Греция, завоеванная в свое время римлянами, несомненно, покорила их духовно. Аттилу же интересовали только горы золота.

Судя по всему, Феодосий II действительно рассчитывал использовать гуннских воинов на северной границе. Потому он и направил к Аттиле посольство. И вождь гуннов принял посланников, в том числе и потому, что они в своем обозе везли ему в качестве подарка выданных Византией беглецов.

Вот каково описание Аттилы у Приска Панийского (в пересказе Иордана): «Он выступал из дому, шел важно, озираясь в разные стороны. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами. С редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения». Это явный намек на родство со злыми болотными духами.

В составе византийского посольства был некий Вигил, который собирался подкупить слугу Аттилы, чтобы тот, в свою очередь, подкупил других слуг, и они убили вождя. Как потом выяснилось, византийцев просто обманули. Слуга и не думал никого подкупать – он сразу выдал замысел своему господину. Интересно, что Аттила не настаивал на казни того, кто пытался организовать против него заговор, – предпочел выкуп, вновь продемонстриро-

вав почти патологическую страсть к богатству. Сравниться с ней могла лишь его страсть к титулам и званиям.

После заключения мира с Феодосием II Аттила был на вершине своего могущества и наслаждался властью. Приск описал пиршество, на которое пригласили послов. Аттила сидел в центре зала на ложе. За его спиной помещалось еще одно ложе, слегка прикрытое занавеской, где он, видимо, мог поспать, утомившись от трапезы. Был строгий порядок размещения гостей – кто по правую руку от вождя, кто по левую. Кубки с вином разносили «по чинам» и подавали со сложными церемониями. Аттила, сидя на своем ложе, ласкает младшего сына Ирнака, который, согласно предсказанию, в будущем спасет его «державу». Пока произносилась здравица в честь Аттилы, никто не имел права сесть. Во славу вождя исполняли песни. Утонченному греку Приску эти гимны, в которых воспевалось величие Аттилы, показались грубыми, варварскими. Но сам вождь слушал с удовольствием.

Это был пик торжества Аттилы. Наверное, ему показалось тогда, что ему подвластен весь мир. И его жадный взгляд устремился на Запад, к Риму. Он даже принял титул императора, чтобы уподобиться римским властителям.

Западная Римская империя была знакома с гуннами и не считала их врагами. Их отряды римские императоры не раз нанимали в военных целях. Самый яркий римский полководец этой эпохи Флавий Аэций налаживал с гуннами контакты. И вдруг Аттила, недавно командовавший наемниками, решил пойти против Рима.

Мы не знаем точно, что было главным побудительным мотивом – растущие аппетиты или растущее честолюбие. Наверное, определенную роль сыграло и то, что в 450 году умер Феодосий II, а новый византийский император Маркиан, бывший солдат, на требование платить золотом ответил Аттиле: «Для друзей у меня подарки, а для врагов – оружие!». Казалось бы, гуннам логично было двинуться в поход на Маркиана. Но может быть, Аттила хотел победить Рим, стать еще сильнее – и уже после этого взять, наконец, Константинополь?

В середине V века город Рим не был даже столицей Западной Римской империи. Столицу перенесли в Равенну. Но Рим оставался Вечным городом. Там заседал мало что значивший Сенат, там жили патриции. Происходила, правда, внутренняя варваризация – утрата цивилизованности. Очень актуальная проблема для наших дней! Вот что писал еще до прихода гуннов Аммиан Марцеллин: «Даже те немногие дома, которые в прежние времена славились серьезным вниманием к наукам, теперь погружены в заботы позорной праздности. И в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек, как гробницы». Какое емкое и страшное выражение! И далее: «Людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и бесполезных».

Через пять лет после Аттилы римский император Флавий Майориан, который перенес столицу снова в Рим, издал удивительный эдикт. В нем говорилось: «Мы, правители города, решили положить конец бесчинству, из-за которого обезображивается вид почтенного города… древние величественные здания подвергаются разрушению, и таким образом уничтожается великое лишь для того, чтобы построить где-то что-то ничтожное».

Внутренняя варваризация, несомненно, подготовила приход варваров и тот синтез, из которого потом родилось Средневековье.

Рим, на который двинулся в поход Аттила, был уже не тот, который в 410 году захватывали и грабили вестготы во главе с Аларихом. И все-таки слово «Рим» по-прежнему многое значило.

Знаменем для начала войны (а вовсе не просто формальным поводом, как это иногда подается) стало такое событие. В 449 году (хотя, по некоторым версиям, это произошло значительно раньше) сестра слабоумного императора Валентиниана III Гонория была с позором изгнана из Равенны за то, что тайно сожительствовала с управляющим дворца Евгением

и, как говорили, родила от него ребенка. Ее отправили в Константинополь. Там она нашла тайного посла – евнуха по имени Гиацинт, вручила ему письмо и драгоценный перстень и отправила… к Аттиле. Сестра императора предложила вождю гуннов свою руку и половину Западной империи в качестве приданого. Надо сказать, что традиции передачи власти по женской линии в Риме не существовало. Это была личная инициатива Гонории.

Гиацинта схватили, пытали, и он все подробно рассказал. Его, конечно, казнили, а Гонорию отправили обратно в Равенну, срочно обвенчали буквально с кем попало и посадили под замок.

Но Аттила потребовал, чтобы ему немедленно отдали его «невесту» и половину империи. В 451 году он повел на Рим не только гуннов, но и целую группу подвластных ему племен.

Рим задрожал от ужаса. Хронист Сидоний Аполлинарий передает ходившие в тот период слухи. Говорили, что Аттила ведет через Галлию 500 000 человек. Это несомненное преувеличение. Большинство специалистов считает, что в сражении 451 года столкнулись всего около 500 тысяч человек – и это с обеих сторон. Но у страха глаза велики.

А вождь гуннов еще и прислал гонца, который объявил Валентиниану III: «Аттила, мой господин и твой господин, приказал тебе через меня приготовить для него твой дворец». Настоящее психологическое давление! Страшны были, конечно, и воинственные германцы, но они не знали этой угрожающей, победительной стилистики. У Аттилы появилась особая восточная величавость. Варварский Восток надвигался на Европу и уже сознавал себя ее повелителем. Правда, дальнейшие события показали, что Аттила несколько поторопился.

Два войска – римское и гуннское, которые двигались навстречу друг другу, были во многом сходны – и при этом глубоко противоположны. Римское войско, которое возглавил Аэций Флавий, – это представители германских племен: вестготы, алеманны, бургунды, часть франков, а также негерманцы аланы. Все они приняли христианство. Это был некий конгломерат христианизирующихся народов. Аэций, имевший большой дипломатический талант, сумел подобрать себе союзников. Им противостояли недавние кочевники и язычники, чьи предки пришли из глубины Азии. Противостояние Древнего Рима и мира Востока и в лучшие времена для римской цивилизации было трудным и не слишком победительным.

По пути гунны захватили Мец, Трир, Кельн, Реймс и осадили Орлеан. Когда к городу приблизился со своим войском Аэций, Аттила отошел, вероятно, из-за плохих местных условий для движения конницы.

По легенде, один город – Труа – был спасен тамошним христианским епископом. Якобы, когда ворота города были уже открыты, он воззвал к Аттиле: «Ты бич Божий, отправленный нам за наши грехи!» И гунны прошли мимо. Но история эта совершенно недостоверна, да и название «бич Божий», как уже говорилось, возникло значительно позже, в Средние века. Если Аттила и прошел мимо города Труа, то просто потому, что торопился. Он искал такую местность, где преимущество его конницы будет очевидным. И нашел как раз недалеко от Труа, на территории современной французской провинции Шампань. Местность называлась Каталаунские поля. Там было очень просторно. И именно там состоялось сражение, которое вошло в историю под названием Битва народов.

Это сочетание слов может быть истолковано по-разному. Во-первых, и в войске под командованием Аэция преобладали не собственно римляне, а германцы. Важнейшим оказался союз Рима с вестготами, которых возглавлял их вождь Теодорих. И в армии Аттилы самих гуннов было меньше, чем их союзников.

Во-вторых, Битва народов – обозначение, не раз возникавшее в мировой истории и всегда символизировавшее масштабность события. Источники описывают сражение на Каталаунских полях в эпических тонах: «Все ручьи вокруг, все водоемы окрасились от крови

погибших в красный цвет». Число погибших неизвестно, но это безусловно были десятки тысяч людей.

Аттила перед боем вдохновил своих воинов короткой речью: «После побед над таким множеством племен я считаю бесполезным побуждать вас словами, как не смыслящих, в чем дело. Что же иное привычно вам, кроме войны?!» Варвары эпохи Великого переселения народов не просто все время сражались, но и осмысливали это, делали своим знаменем. «Что храбрецу слаще стремления отплатить врагу своей же рукой? – вопрошал Аттила. – Насыщать дух мщением – это великий дар природы. И я первый пущу стрелу во врага».

И действительно выпустил стрелу. Этим его личное участие в сражении ограничилось. Аттила уже не мыслил себя военным вождем, чье место впереди войска. Он был императором, властителем мира, который высоко поднялся над армией и над битвой.

У германских вождей сложились другие традиции, которые надолго закрепились потом в культуре западноевропейского рыцарства. Вождь должен идти впереди сам, сражаться лично, показывать пример отваги. Предводитель вестготов Теодорих погиб в этом сражении. Обстоятельства его гибели описываются по-разному. Не исключено, что его затоптала собственная конница, когда он оказался в ее гуще.

Финал сражения был странным. Поле было усеяно телами погибших обеих враждующих сторон. Аттила с оставшимся войском, в основном состоявшим из гуннов, заперся в своем лагере, огороженном повозками. Аэцию необходимо было узнать, сколько воинов там укрывается, чтобы принять решение о штурме. Но оттуда постоянно летели стрелы, и ни одному лазутчику не удавалось пробраться за ограждение.

В центре гуннского лагеря еще до начала битвы был сложен костер из конских седел. Аттила сказал: «Если мы не победим, я сожгу себя на этом костре». Опять же совершенно не в традициях Западной Европы, где вождь может умереть лишь на поле боя, сражаясь до последнего.

Аэций не решился штурмовать лагерь гуннов. Более того, источники сообщают, что он отпустил своих главных союзников. Сказал сыну погибшего Теодориха скорее возвращаться, чтобы власть не захватили его братья. Отправил домой и предводителя франков Меровея (Меровига) – с него, по преданию, началась первая франкская династия Меровингов.

Есть разные предположения относительно того, почему Аэций действовал именно так. Вероятно, он несколько опасался своих союзников-германцев. А может быть, рассчитывал примириться с Аттилой. В общем, он увел свои войска и позволил оставшемуся гуннскому войску уйти за Рейн.

Конечно, Аттила – повелитель мира – сейчас же принялся доказывать, что не был побежден. В 452 году он опять двинулся на Рим, но другим путем – прямо в Северную и Среднюю Италию. Как и в предыдущем походе, он уничтожал города на своем пути. Так, город Аквилею он просто стер с лица земли. Через сто лет его местоположение уже было известно лишь приблизительно. Гунны разграбили Верону, Мантую, Бергамо. Милан сдался и потому остался относительно целым.

Приск рассказывает о таком эпизоде, связанном с захватом Милана. В одном из уцелевших дворцов Аттила увидел картину, на которой были изображены два императора – Восточной и Западной Римской империи – на золотых тронах, а перед ними – тела убитых скифов. Это очень понравилось вождю гуннов. Он велел немедленно найти художника и заказал ему такую картину: на золотом троне сидит Аттила, а перед ним – два императора, Восточной и Западной империи, из мешка сыплют золото. Мешок золота оказался для него важнее, чем поверженные враги.

После ужасных погромов итальянских городов Рим ощущал себя совершенно беззащитным. Тем более что войско Аэция находилось далеко, в районе реки По. К приближав-

шемуся Аттиле направилась депутация нескольких знатных римлян во главе с епископом Львом I, которого тогда уже называли Папой. Позже именно он принял титул Великого понтифика. Этот человек претендовал на нечто большее, чем Римский епископат. Лев I имел опыт 12 лет епископства и был очень энергичен, несмотря на весьма преклонный для той эпохи возраст – 62 года.

Подробности переговоров неизвестны. Возможно, Лев I потряс Аттилу рассказом о всевидящем Боге, который накажет за грехи. Или просто откупился. А вероятнее всего – и то и другое.

Аттила к тому времени был болен. Его мучили кровотечения из носа, которые никак не удавалось остановить. По пророчеству, он должен был умереть так же, как Аларих I, вождь вестготов, который в 410 году взял Рим, разграбил его – и практически тут же скончался. Суеверного Аттилу это не могло не страшить.

К тому же в его войске началась чума. А в гуннской державе, где он оставил править своего сына и наследника Илака, поднялась смута. Было некое движение на Дунае, на севере Балканского полуострова, и новый византийский император Маркиан направил туда отряды. Да еще с севера к Риму спешил Аэций со своим войском. То есть сложилась крайне неблагоприятная для Аттилы военно-политическая обстановка.

И он развернул армию и ушел прочь от Рима. Это решение не могло не повлиять на состояние его духа. Ведь он уже второй раз убедился в том, что не является абсолютно непобедимым. Его опять остановили!

Примерно через год после похода на Рим Аттила умер при таинственных обстоятельствах. Позднейший эпос, литература, искусство всячески романтизировали эту историю.

Произошло вот что. Аттила в очередной раз решил жениться. У него была бесконечная череда так называемых жен, конечно, не в христианском понимании. На сей раз он выбрал девушку необыкновенной красоты по имени Ильдико (ласкательное форма имени Хильда или Кримхильда). В «Песни о Нибелунгах» эта героиня зовется Брунгильда, в исландском эпосе «Старшая Эдда» – Гудрун. Девушка происходила из дома Бургундов, когда-то, до Аттилы, уничтоженных гуннами. Это была страшная резня 437 года. Уничтожение целых народов навсегда остается неослабевающей болью в истории человечества.

И вот стареющий гуннский вождь, которому было уже за 50, взял в жены, а по существу – в наложницы – прекрасную бургундскую девушку. А наутро после брачной ночи его нашли на ложе утопающим в крови. Рядом сидела, рыдая, юная жена. Народная молва приписала ей месть за истребленных Бургундов. Потом появились и другие легенды – о жене, которая убила не только Аттилу, но и своих детей от него. Все это доказывает, какое глубокое впечатление произвела на современников внезапная смерть гуннского вождя.

По словам Приска, в ночь гибели гуннского вождя императору Восточной Римской империи Марциану приснился вещий сон. Христианский Бог показал ему сломанный лук Аттилы. Приск прокомментировал это так: «Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим». Смерть в виде подарка!

Состоялись пышные похороны. Были изготовлены три гроба: золотой, серебряный и железный. Тех, кто зарывал их в землю, потом сразу же убили, чтобы никто не нашел место захоронения.

Смерть Аттилы не спасла Западную Римскую империю, которая агонизировала и перестала существовать в 476 году. Последний римский император, Ромул по прозвищу Августул (Августенок), происходил из варварского рода, жившего в Паннонии, в тех местах, где была ставка гуннов.

После Аттилы его «держава» распалась. Младший сын Ирнак увел, как и было предсказано, остатки гуннов в степи Причерноморья. К VII веку само название «гунны» исчезло

из источников: они растворились в других народах. Это неудивительно – процессы ассимиляции шли повсюду. Но показательно, что гунны не оставили в мировой истории ничего, кроме ощущения ужаса. Им будто нечего было сказать человечеству.

Рамзес II: один против тысячи колесниц

Египетский фараон Рамзес II, живший в XIII веке до новой эры, остался в истории с прозвищем Великий, и, конечно, не без оснований. Он и сам сознавал собственную значимость. «Один против тысячи колесниц» – так он видел свое участие в знаменитой битве при Кадеше.

Он правил Древним Египтом эпохи высшего – и последнего – расцвета этого государства, в период так называемого Нового царства, который ограничивают XVI–XI веками до нашей эры. Рамзес II был у власти 66 лет – это выделяет его из числа других правителей древности. При нем произошла одна из самых знаменитых битв, и был заключен, наверное, важнейший договор древности. После ухода этого фараона из жизни его культ сохранялся на протяжении нескольких столетий.

О Рамзесе II рассказывают на редкость многочисленные, до сих пор точно не сосчитанные источники, причем он сам лично об этом позаботился. Во-первых, до наших дней дошли надписи на стенах храмов и гробниц. Во-вторых, уцелели документы из архива, найденного на месте древней столицы хеттской державы – Хаттушаша (деревня Богазкей на территории современной Турции). Там хранилось 15 тысяч текстов разных жанров, включая литературные произведения, деловые документы, переписку. Раскопки этого знаменитого архива начаты в 1906–1912 годах немецким археологом Г. Винклером, который был увлечен в первую очередь историей Междуречья. Но в архиве обнаружились и следы Египта. Документы составлялись преимущественно на международном для Древнего Востока аккадском языке.

Историография, посвященная правлению Рамзеса II, огромна. В немецкой науке она составляет целые библиотеки. Есть доступная литература и на русском языке. Прежде всего – труды замечательного дореволюционного египтолога Б.А. Тураева. В его «Истории Древнего Востока» многое устарело, но невозможно не оценить красоту стиля, живость изложения, любовное отношение к Древнему Египту. Есть монография советского историка И.А. Стучевского «Рамзес II и Херихор. Из истории Древнего Египта эпохи Рамессидов» (так называли эту династию). Книга замечательна тем, что в ней приведено много текстов источников, некоторые – в авторском переводе. Очень интересно и исследование французского ученого и писателя К. Жака «Египет великих фараонов».

Рамзес II родился приблизительно в 1310 году до нашей эры. Надо сказать, что в истории Древнего Египта почти нет абсолютно точных дат. Египтологи бесконечно их уточняют. Рамзес II был внуком Рамзеса I, бывшего командующего колесницами, который в результате военного переворота сменил на троне фараона Хоремхеба и основал новую, XIX династию.

Отец – фараон Сети I. Мать – царица Туйа. Сохранились ее изображения, свидетельствующие, что ей было свойственно высокомерие. Уж не потому ли, что, по некоторым сведениям, изначально она была певицей. Высокомерие часто отличает выходцев из низов…

Как говорится в одной из надписей, посвященных Рамзесу II, «боги вскрикнули от радости при его рождении». Это, конечно же, дань литературной традиции. Но Рамзес действительно с детства знал, что его предназначение – власть. Именно в нем отец видел преемника. У всех фараонов были гаремы, состоявшие из законных жен и наложниц, и множество детей. Но, несмотря на то, что у Рамзеса, безусловно, были братья, Сети I без колебаний избрал одного сына, который должен был прийти ему на смену.

В десятилетнем возрасте наследник, отличавшийся, кстати, большой физической силой, принял участие в одном из походов отца против ливийцев. Ливия, как и все покоренные народы, при каждом казавшемся удобным случае пыталась вернуть себе независимость, и египетский фараон должен был подавлять подобные выступления. Так что в воз-

расте десяти лет Рамзес II был уже готов и к власти, и к войне. Можно сказать, первая половина его жизни прошла на воинской колеснице.

Видимо, он стал соправителем отца – для надежности передачи власти. Во всяком случае, в одной из надписей Сети I есть такие слова: «Венчайте царя, чтобы я узрел его совершенство при жизни».

В 1290 году до нашей эры, когда Рамзесу было около двадцати лет, он торжественно похоронил в Долине Царей отца, умершего своей смертью, и начал править Египтом. Это было примерно через сто лет после смерти знаменитого фараона-реформатора Эхнатона. Современники отмечали воинственность и могучий боевой дух Рамзеса II: «Чужеземцы трепещут перед ним! Его имя разносится по Вселенной, он могуществен, как огонь, он – свирепо рыкающий лев с выпущенными когтями». Метафора имеет под собой некоторые реальные основания. Дело в том, что у Рамзеса II был ручной лев, который сопровождал его в походах. Лев ложился поперек входа в царский шатер и грозным рыком предупреждал, что без команды хозяина никого не пропустит.

Планы Рамзеса после вступления на престол совершенно очевидны. О них свидетельствует надпись на стене храма в Луксоре. Фараон просит бога Амона даровать ему – ни больше ни меньше – власть над Вселенной. А как видели Вселенную древние египтяне? Им были известны ближайшие к ним народы и царства Ближнего Востока и земли, расположенные к югу от Нильской долины в Африке. Однако в надписи фараона найден вполне метафорический образ Вселенной: в тексте сказано, что Рамзес хочет быть властелином «всего, что обходит солнце».

Он начал делать шаги в этом направлении. Занялся укреплением войска. К основным воинским соединениям, которые назывались в честь богов отрядами Амона, Ра и Птаха, добавил новое – Сетха. Этот бог в египетской мифологии – убийца Осириса, отождествляемый с такими животными, как свинья и осел. Но ведь Сетха (или Сети) – еще и имя отца Рамзеса II… К тому же Сетха считался богом чужеземцев. А Египет все энергичнее покорял окружающие народы.

Рамзес II начал с подавления беспорядков в Ливии и в Нубии. При смене фараона волнения в провинциях были неизбежны. Но двадцатилетний новый правитель оказался сильным бойцом. Завоеванные территории – это богатство, прежде всего – золотые и серебряные рудники, драгоценные породы дерева. И фараон заботился о сохранности своей сокровищницы.

Усмирив восставших, он отбил нашествие морских пиратов шерданов – тех, что в далеком будущем дали название острову Сардиния и составили основу его населения. Побежденные пираты стали телохранителями фараона.

Готовился Рамзес II и к войне с хеттами. Этот малоазиатский народ выдвинулся тогда на мировую арену. Период его расцвета довольно короткий – с XIV до начала XII века до новой эры. Но это был удивительный взлет!

Этнический облик хеттов загадочен. Это относительно светловолосые и светлокожие люди, что не очень характерно для Востока. Не вполне ясно, откуда они пришли и почему потом исчезли. Созданный ими могучий союз разных народов пал в начале XII века до нашей эры – как из-за внутренних раздоров, так и под ударами завоевателей, вторгавшихся с моря, в том числе этрусков и данайцев – будущих греков.

Но пока хеттская держава была на взлете, египетский фараон не мог с ней не воевать. Ведь между владениями хеттов и египтян лежали соблазнительные земли – Сирия и Палестина. И каждый из могущественных соседей стремился ими завладеть.

На четвертый год своего правления Рамзес II совершил разведывательный поход в Северную Сирию. Он дошел примерно до нынешнего Бейрута и установил там стелу. Воин-

ственный царь хеттов Муваталли II в это время собирал силы. Он создал военный союз более чем двадцати народов.

В 1285-м, на пятый год правления, Рамзес II вновь отправился в поход, взяв с собой главные соединения – Амона (его он возглавил лично), Ра, Птаха и Сетха. Главное сражение состоялось на территории Сирии, при городе Кадеше.

Среди важнейших источников, сохранивших сведения об этой войне, – так называемая поэма «О битве при Кадеше». Это художественное произведение, хотя, конечно, не поэма в современном смысле слова. В текст включены диалоги, в том числе разговор Рамзеса с богом Амоном.

Есть и источники другого типа. Документ, который историки называют «отчет о сражении», содержит строгие факты. Сохранились рельефы, на которых изображены эпизоды сражения с краткими текстами, поясняющими изображения. Однако достоверность этой информации весьма относительна. Показательно, например, что каждая из сторон, участвовавших в битве, – и египтяне, и хетты – объявила себя победившей. Как не вспомнить сражение 1812 года при Бородине, в котором также не было однозначного победителя! При Кадеше поле осталось за хеттами, как в 1812 году – за французами. Но были ли они победителями?

Перед сражением в лагерь Рамзеса пробрались два бедуина. Они сказали, что решили убежать от хеттов и отныне служить египтянам. На самом деле это были не перебежчики, а лазутчики, которые принесли египтянам дезинформацию. И хотя их били палками, они продолжали повторять ложные сведения – и Рамзес им поверил. Они утверждали, что хеттское войско отступило далеко на Север и можно смело идти к Кадешу. Поэтому Рамзес решил ринуться в бой, не дожидаясь подхода своих основных сил.

Он двинулся вперед с единственным соединением, названным в честь бога Амона, и своей личной гвардией (Шердани). Стал у города Кадеша. Лагерь, обнесенный щитами, имел прямоугольную форму. Шатер фараона располагался посередине. Существует рельеф, представляющий вид лагеря фараона и стен Кадеша: у входа в шатер Рамзеса – знаменитый лев, египетские воины чистят свое оружие… Все, казалось, было спокойно. И вдруг – атака хеттов. Две с половиной тысячи хеттских колесниц плюс пехота! Рамзес II оказался в окружении. Он успел надеть доспехи и прыгнуть в колесницу. Вместе с возницей и щитоносцем, которого звали Менна (редкий случай, когда имя простого человека вошло в историю), он отбивался до последнего. Но силы были неравны.

Надписи рассказывают, что в отчаянии фараон обратился за помощью к богу Амону. Слова Рамзеса поражают современного читателя. Он говорит с богом требовательно, с позиций некой внутренней силы: «Что же случилось, отец мой Амон? Неужели забыл отец сына своего? Совершал ли я что-то без ведома твоего? Разве не хожу я и не останавливаюсь по воле твоей? Разве преступал я предначертания твои? Я взываю к тебе, отец, окруженный бесчисленными врагами, о которых не ведал. Когда все чужеземные страны сплотились против меня, и я остался один, и нету со мной никого, и покинуло меня войско мое, и отвернулись многочисленные воины, я стал кричать им, но не слышал из них ни один. И постиг я, что Амон лучше миллионов воинов, сотни тысяч колесниц».

По легенде, бог Амон ответил так: «Вперед, Рамзес, я с тобой! Я твой отец, моя рука с тобой, я господин победы!» После этого совершилось чудо: Амон протянул Рамзесу руку, и тот опрокинул тысячи колесниц. Сохранилось изображение: колесница фараона, вокруг многочисленные трупы врагов, некоторые из них он сбрасывает в реку. Одного мелкого царька, Алеппо, египетские воины держат за ноги вниз головой, выливая воду, которой он наглотался, когда убегал от Рамзеса и переплывал реку. Как ни удивительно, это явные элементы древней сатиры.

Несомненно, существует и рациональное объяснение случившегося. Когда началась атака, Рамзес успел отправить визиря оповестить одно из своих соединений, чтобы его вой-

ска поторопились; они подошли и форсировали реку Оронт. Так что подкрепление подоспело вовремя. Впрочем, и боевой дух фараона имеет большое значение.

Рамзес, тогда еще очень молодой правитель, был и сам потрясен своим спасением. После битвы он поклялся ежедневно лично кормить лошадей, которые вынесли его из окружения.

А итогом битвы стала, говоря условно, «боевая ничья» с некоторым перевесом в пользу хеттов, которые сохранили за собой часть владений в Северной Сирии. Потребовалось еще 16 долгих лет, чтобы противники поняли, что лучше не воевать, а объединиться, договориться о дружбе и союзе.

Последовавшие за сирийским походом годы правления выявили в Рамзесе II совершенно новые качества. Он оказался величайшим строителем. При нем была основана столица Пер-Рамсес в дельте Нила. У древних египтян и прежде было несколько столиц: Мемфис, Фивы, Гераклеополь.

Строил фараон и собственную семью. Его первая законная жена Нефертари хорошо известна по скульптурным портретам и описаниям. Ее лучшие изображения из гранита хранятся в ватиканских музеях, а сидящая фигура из черного гранита, тоже изумительной красоты, находится в Турине. В Долине Царей есть ее храм, открытый археологами в 1904 году.

Второй женой Рамзеса стала Иси-Нофрет – мать его прославленного четвертого сына по имени Хаэмуас. Этот удивительный для своего времени человек интересовался архитектурой и древностями, занимаясь неким прообразом археологии.

Трон же достался тринадцатому сыну Рамзеса II – Мернептаху. А всего, насколько известно, у фараона от жен и наложниц было 111 сыновей и 65 дочерей. Изображение на стене одного из храмов запечатлело шествие его многочисленных детей.

Что сооружал неутомимый строитель Рамзес II? Трудно все сосчитать. От его эпохи осталось множество статуй. Преимущественно это колоссы, то есть скульптуры огромного размера. Известно имя главного зодчего – Маи. Он руководил строительством в новой столице Пер-Рамсесе. Маи имел высокий воинский чин. Он отправлял далекие экспедиции за мрамором и за гранитом, например на юг, в Асуан.

Одним из чудес света стал Рамессеум – поминальный храм Рамзеса в комплексе Абу-Симбел на западном берегу Нила, в районе Фив. Особенностью древнеегипетской культуры было то, что человек на протяжении всей жизни заботился о своем погребении. Считалось, что чем тщательнее он подготовит переход в иной мир, тем лучше ему там будет. Вот почему Рамзес II возвел себе столь грандиозный поминальный храм.

Позже здание было засыпано песками и открыто швейцарским востоковедом И.Л. Буркхардтом в 1812 году. Торчавшие из песка головы принадлежат, как оказалось, четырем сидячим колоссам высотой 20 метров каждый. В 1964–1968 годах в связи со строительством Асуанской плотины колоссов по инициативе ЮНЕСКО разобрали, распилили на тысячу с лишним блоков, перенесли выше на 65 метров и снова собрали. Невиданное дело, которое объединило специалистов из разных стран!

Есть огромный гранитный колосс Рамзеса II в Пер-Рамсесе. Высота его примерно 27 метров, вес – 900 тонн. Можно представить себе, каких затрат требовали подобные сооружения. Их строительство опустошало государственную казну.

Однажды, как известно из источников, была обнаружена огромная, невиданного размера глыба кварцита. Рамзес II сразу решил, что это будет очередной колосс. Он написал своим мастерам (которые, кстати, не были рабами), чтобы они принялись за создание нового шедевра. Вот его слова: «Закрома будут ломиться от зерна для вас, чтобы вы ни дня не проводили без пищи. Я наполню для вас склады всевозможными вещами: хлебом, мясом, сладкими пирожками, я дам вам сандалии, мази в избытке, чтобы вы умащали головы ваши каждые 10 дней… Я дам вам множество людей, чтобы вы ни в чем не знали нужды; рыбаков,

чтобы приносили дары Нила, и много других: садовников, чтобы возделывали огороды, горшечников, чтобы делали сосуды, дабы свежа была вода в летнее время». В этих обещаниях звучит истинная страсть – и к строительству, и к увековечению собственной памяти.

Поглощенный строительством, Рамзес вынужден был то и дело отправляться в экспедиции, чтобы подавлять выступления подвластных Египту народов. Новых земель он не завоевывал. Тем временем силы древнеегипетского государства истощались. Подобное уже происходило в прежние переломные эпохи – между Древним и Средним царствами, потом между Средним и Новым царствами. Предчувствуя грядущий упадок, фараон охотно пошел на переговоры и заключение союза с хеттами. Успеху способствовало и то, что у хеттов сменился царь. Новый властитель Хаттусили III был настроен не столь воинственно, как его старший брат Муваталли II.

После долгих переговоров в Пер-Рамсес привезли серебряную табличку с текстом на аккадском языке. Сегодня мы называем подобные документы договорами о мире и взаимопомощи в борьбе против возможных врагов и опасностей. Договор был заключен в 21-й год правления Рамзеса II, то есть приблизительно в 1269 году до нашей эры. Фараону было около сорока лет.

Текст договора перевели на египетский язык и высекли на стене Рамессеума. Были и клинописные глиняные таблички с тем же текстом. Одна из них хранится в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже.

Договор очень длинный и чрезвычайно подробный. Вот его фрагменты в переводе И.А. Стучевского: «Что касается будущего вплоть до вечности, что касается помысла великого властителя Египта и великого правителя страны Хетта, то да не даст бог случиться вражде между ними в соответствии с договором… Он в братстве со мной, он в мире со мной, я в братстве с ним, я в мире с ним навеки».

Текст договора египтян с хеттами выставлен сегодня в штаб-квартире ООН – как символ цивилизованных международных отношений. Это знак того, что уже многие тысячи лет назад люди решали некоторые вопросы мирным путем. Стремясь учиться у самого себя, человечество пока не достигло больших успехов, но попытка, несомненно, отрадная.

Не случайно фараон Рамзес II остался в истории с прозвищем Великий. Он действительно великий строитель и великий международный деятель. Заключив мирный договор с хеттами, он обеспечил и своему государству, и соседнему еще около 60 лет относительно спокойной жизни.

Через 13 лет после заключения знаменательного договора неутомимый Рамзес II, которому было уже около 53 лет, женился на дочери царя Хаттусили III. Она приняла египетское имя Маатхорнефрура – «зрящая красоту Солнца». Солнцем для нее, безусловно, должен был стать сын бога Амона – ее супруг Рамзес II. Есть предположение, что на бракосочетание прибыл сам хеттский царь. Впрочем, многие египтологи в этом сомневаются. Так или иначе, церемония была торжественная и пышная. На сохранившихся изображениях видно, как огромная процессия несет приданое – золото и другие сокровища. Из Малой Азии в Египет гонят целые стада скота. Это немалая ценность – мясо и шкуры. Но это еще и выразительный жест: ситуация в чем-то напоминает не одержанную когда-то победу – ведь богатства прибывают в Египет, хотя это и не военная добыча… А в 62 года фараон женился, тоже вполне официально, еще на одной хеттской царевне, сестре первой.

В последние годы жизни Рамзес II явно наслаждался относительным покоем, постоянно заботясь об увековечении своей памяти. Он умер, когда ему было около 90 лет.

Посмертная жизнь фараона оказалась весьма бурной. Он был торжественно похоронен, но уже в конце правления следующей, XX династии, в XI веке до нашей эры, гробница подверглась разграблению. Все сокровища были похищены. Мумию фараона жрецы перенесли в тогда еще не разграбленную гробницу его отца, Сети I. Но позже и она была разо-

рена. В общем, мумию переносили с места на место четыре раза и наконец спрятали в тайнике. Она была найдена в конце XIX века и стала, как деликатно пишут ученые, достоянием науки. То есть ее выставили в качестве экспоната в Каирском музее. Сохранность мумии удивительна. В 1975-м, когда она начала повреждаться, ее возили на реставрацию в Париж. Причем встречали очень торжественно, будто французскую столицу действительно посетил древнеегипетский фараон. И это совершенно справедливо. Рамзес II, вне всякого сомнения, заслужил уважительную память человечества.

Средние века

Иннокентий III: между Богом и государями

Об Иннокентии III принято говорить, что это, наверное, самый знаменитый Римский Папа. Человек XIII века, невероятно преуспевший и неизмеримо высоко поднявшийся. Он многого достиг в утверждении того, что сегодня называют папской теократией. По его мысли, Римский Папа – непосредственный наместник Бога на земле, и только через него осуществляется Божья воля. Но Иннокентий III – не только теолог, но и политик, удивительно гибкий, умевший управлять всеми, в том числе и первыми монархами Европы.

Он родился в 1161 году под именем Лотарио Конти в Италии, в городе Ананьи, недалеко от Рима. Отец – граф Сеньи Тразимондо Конти, мать – Клариче Скотти. Особую роль в жизни мальчика сыграл дядя, что характерно для Средневековья, сохранившего некоторые черты римской и германской общины. Брат отца – главный родственник по мужской линии.

Дядей Лотарио был Римский Папа Климент III, в миру – Паоло Сколари. Именно он начал делать шаги в направлении укрепления авторитета папства. В 1189 году он возвел своего 29-летнего племянника в сан кардинала. Простота, с которой он это сделал, поразила многих современников. Ведь кардиналы – это те, кто избирает Римских Пап. И вдруг среди них оказался некий молодой граф!

А через два года, в 1191-м, Климент III умер. На смену ему был избран 85-летний Джачинто Бобоне Орсини – представитель рода, враждебного Конти. Римскими Папами нередко избирали именно глубоких стариков, чтобы быть уверенными, что это не слишком надолго. Ведь уход с папского престола был возможен только в мир иной. Но вновь избранный Целестин III продержался целых семь лет и скончался в возрасте 92. Заняв свою должность, он первым делом удалил кардинала Конти от папского двора.

Казалось бы, молодому человеку ничего больше не светило. Он вернулся домой и занялся литературным творчеством. Для своего времени Лотарио Конти был прекрасно образован: учился сначала в Риме, а потом на философско-теологическом факультете в Париже и на юридическом в Болонье – на тот момент крупном центре правоведческой мысли. Опираясь на свои разносторонние знания, он написал трактат «О ничтожности человеческой судьбы». Дальнейшая судьба автора, казалось бы, опровергла данный тезис. И только близость смерти вернула его к этой мысли.

В течение семи лет в Ананьи будущий Иннокентий III размышлял об особом положении папства на земле. Конечно, он был знаком с идеями предшественников. Папские притязания возникли в Западной Европе очень давно – в VIII веке, когда появился так называемый Константинов Дар: якобы византийский император Константин подарил папам власть над всей Западной Римской империей. Позже итальянский гуманист Лоренцо Валла доказал, что это фальшивка. Но идея всевластия пап уже утвердилась в умах.

В IX веке появилось еще одно «доказательство» – Лжеисидоровы декреталии. Автор этого сборника документов, в основном подложных, Исидор Меркатор, обосновывал мысль о непогрешимости Папы и о том, что верховная власть Папы в Церкви должна быть независима от земных государей. Эта фальшивка была окончательно разоблачена только в XVII веке.

Нашелся у Иннокентия III и духовный предшественник – Папа Григорий VII, бывший монах Гильдебранд, живший в XI веке. Он написал документ «Диктат Папы» («Dictatus Papae»), утверждавший абсолют папской власти. Текст содержал 27 пунктов, среди которых были, например, такие: «Папа вправе низлагать императоров»; «все князья должны целовать

ногу только у Папы»; «никто не имеет права судить Папу»; «только Римская Церковь была основана самим Господом»; «один Папа может носить императорские регалии».

Для будущего Иннокентия III особое значение приобрел 27-й пункт «Диктата Папы»: «Папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех». Получалось, что Папа не только независим от светских правителей, но и вправе переставлять их, как фигуры на шахматной доске.

После семи лет чтения и раздумий вдали от папского престола начало казаться, что кардинал Лотарио Конти просидит в библиотеках всю оставшуюся жизнь. Но, как ни странно, Целестин III призвал его к себе и рекомендовал на место Папы. И он был избран прямо в день кончины предшественника, причем единогласно, – небывалое событие в истории Ватикана. Обычно Конклав продолжался несколько дней, тонул в бесконечных интригах и спорах. И вдруг – легко и просто!

Раскрыть эту тайну помогает понимание политической ситуации в Западной Европе XIII века, в пору зенита средневековой цивилизации. На повестке дня был вопрос о том, кто сильнее – Римские Папы или светские короли. Папские притязания стали значительной помехой для процессов централизации. Но и папству грозила опасность со стороны крепнущей светской власти. Уже случились знаменитые столкновения Григория VII и германского императора Генриха IV, дошедших до взаимной ненависти. Длительная борьба за приоритет закончилась временным компромиссом – Вормсским конкордатом 1122 года. Вопрос о том, чья власть выше, оставался открытым. Папам пора было переходить в наступление.

Старый и мудрый Целестин III осознал это и некоторыми своими решениями предвосхитил энергичную деятельность Иннокентия III. И похоже, что он угадал преемника в молодом кардинале Конти. В конце концов, его возраст давал надежду на то, что он успеет сделать важные шаги.

Церемония возведения 37-летнего Лотарио Конти в папский сан под именем Иннокентия III (имя он выбрал сам) состоялась 8 января 1198 года. Она подробно описана на основе изучения документов в трудах русского медиевиста XIX века В.И. Герье. Историк подчеркивает, что она несколько отличалась от традиционной.

Папская тиара, которую возложили на его голову, представляла собой не скромный символический венец, а головной убор, покрытый золотом, украшенный драгоценными камнями, в центре которого светился громадный рубин.

Сразу после избрания Иннокентий III простерся ниц перед алтарем. Затем он поднялся, и кардиналы лобызали его ногу и уста. Традиционно бросая в толпу три пригоршни монет, новый Папа произнес: «Золото и серебро я не ценю. Что имею, то отдаю вам». Это было вопиющее лицемерие на фоне немыслимых сокровищ, уже накопленных Ватиканом и продолжавших стекаться в Рим.

Примерно через месяц после избрания, в феврале 1198 года, состоялась еще одна церемония – в древней базилике Святого Петра, ступени которой в IX веке целовал Карл Великий. В своей речи Иннокентий III коснулся статуса Папы: «Он занимает середину между Богом и человеком. Он меньше Господа, но он выше человека». Такова была его политическая программа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.